

Галина П. Тулузакова

Николай Иванович Фешин и русские эмигранты в Нью-Йорке

Sztuka Europy Wschodniej Искусство Восточной Европы Art of Eastern Europe 3, 333-338

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

SZTUKA EUROPY WSCHODNIEJ
ИСКУССТВО ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ART OF THE EAST EUROPE
ТОМ III

Галина П. Тулузакова

Казанский национальный исследовательский технологический институт

Николай Иванович Фешин и русские эмигранты в Нью-Йорке

Николай Иванович Фешин – один из крупных русских художников начала XX века, творчество которого опиралось на традиции русской академической и реалистической школы. Для него природа (в широком смысле) являлась неисчерпаемым предметом постижения, гуманистические ценности имели априорную значимость, интерес и сочувствие к жизни простого человека сохранялись на протяжении всего творчества. При этом он являлся одним из блестящих мастеров стиля модерн. Дуализм реального и условного, повышенное внимание к эстетике формы, поклонение красоте, понимание которой чрезвычайно усложнено, невероятная техническая маэстрия, художественный универсализм, поскольку он работал как живописец, рисовальщик, скульптор, резчик по дереву, архитектор, – все черты и приметы модерна обнаруживаются в творчестве Фешина. Николай Иванович – непревзойденный мастер угольного рисунка и блестящий живописец, создававший большеформатные многофигурные композиции, *ню*, пейзажи, натюрморты. Однако, в первую очередь он известен как выдающийся портретист.

Фундамент творчества художника был заложен в Казанской художественной школе

(1895–1901) и Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств, где он учился в мастерской Ильи Репина. После окончания Академии он вернулся в родной город, Казань, преподавателем художественной школы. Казанский период стал одним из самых плодотворных. Педагогическая деятельность органично совмещалась с творчеством. С 1909 года и вплоть до начала Первой мировой войны в 1914 году он активно участвовал в выставках Европы (Германия, Голландия, Италия) и США. В США его работы приобретали крупнейшие коллекционеры (например, Дж. Херн [George A. Hearn]). Его постоянными покупателями и патронами стали Уильям Стиммел (William S. Stimmel) и Джек Хантер (Jack R. Hunter) из Питсбурга. Стабильное положение преподавателя и коммерческий успех на международных выставках позволяли Фешину не ставить себя в зависимость от заказа и работать исключительно творчески. В Казани он пишет большеформатные полотна на сюжеты из народной жизни или портреты, модели для которых он всегда выбирал сам. Это были люди из близкого окружения – семья, коллеги и ученицы художественной школы, дети. В жанре портрета он всегда отдавал предпочтение людям

искусства. Фешин – художник почвенный, для него привычное окружение, особая, сконцентрированная на проблемах искусства, атмосфера Казанской художественной школы значили чрезвычайно много. На приглашения Стиммела приехать в США он всегда находил отговорки. Но все изменилось после революционных потрясений 1917 года. С 1918 года все более ощутимыми становились разруха, эпидемии, близость фронтов гражданской войны. Кульминацией явился катастрофический, чудовищный голод в Поволжье 1921–1923 годов. Решение об эмиграции было не простым. В автобиографии Фешин описывает все невзгоды, которые несли с собой разрушение нормального уклада жизни, но основной причиной решения об эмиграции он называет не бытовые сложности: «(...) Я чувствовал, как день ото дня я бесполезно теряю мою творческую энергию, поскольку искусство использовалось лишь в целях пропаганды. Все делалось в спешке, и добросовестное выполнение работы было невозможным. Все заказы исполнялись такими плохими материалами, что, конечно, живопись быстро портилась. Работа потеряла всякий здравый смысл, и многие впадали в невыносимую меланхолию. Так, в ответе мистеру Стиммелу, я сообщил о моем желании уехать в Америку и просил его о помощи в получении необходимых бумаг на въезд в США (...)».¹

Как только семья Фешиных прибыла в Нью-Йорк 1 августа 1923 года, Стиммел и Хантер взяли его под опеку. Фешин начал работать почти немедленно. В Нью-Йорке он впервые увидел чернокожих людей и пришел в абсолютный восторг, тут же попросив найти ему чернокожую модель. Портрет *Негритянка с апельсином* (1923, Fred Jones Jr. Museum, Norman, OK) – среди первых работ Фешина в Америке. Первым созданным в США произведением, с большой степенью вероятности, был портрет *Изабель* (1923, частная коллекция, США). Об этом можно судить по хранящейся в семейном архиве в США репродукции портрета, на которой рукой дочери художника, Ии Николаевны Фешиной, нанесена соответствующая карандашная надпись.

Благодаря покровительству и действенной помощи почитателей таланта Николая Фешина, Уильяма Стиммела и Джека Хантера, вхождение

русского эмигранта в американскую жизнь оказалось во многих отношениях успешным и не столь болезненным, как для многих. Они не только покупали работы, но и представляли его известным арт-дилерам и директорам музеев. Так, используя знакомство Хантера с директором Института искусств в Чикаго, осенью 1923 года была организована персональная выставка. Стиммел и Хантер оплатили каталог, предисловие к которому написал Кристиан Бринтон. Выставка из 22 работ экспонировалась в Чикаго и Нью-Йорке и значительно способствовала росту популярности Фешина.

Благодаря такой действенной поддержке Николай Иванович в художественную жизнь Нью-Йорка включился моментально. Он выставляется в галерее Милча (Milch) и Гранд Централ Галериз в Нью-Йорке, галерее Восса (Voss Galleries) в Бостоне. Не прошло и года, как в Нью-Йорке состоялась вторая персональная выставка Фешина в Арден Галлериз (Arden Galleries), и большинство из его 32 работ были куплены. В этом же 1924 году живописный портрет *Гравер. Мистер В. Д. Уоттс (W. G. Watts)*, экспонированный на ежегодной Зимней выставке Национальной Академии дизайна, получил Приз Томаса Р. Проктора (Thomas R. Proctor). С этого дня Фешина приглашали участвовать в выставках по всей стране и за его работами внимательно следили частные коллекционеры. Он также работал и как преподаватель – вел класс для профессионалов, преподавал студентам в художественных классах при Гранд-Сентрал Галлериз (Grand Central Galleries of New York). Однако преподавание в Америке не приносило удовлетворения: «(...) они довольствуются внешними эффектами. А если правлю работы, просят их подписать».²

Очень важной для жизни Фешина в Нью-Йорке была не только поддержка его американских коллекционеров. Не менее значимой оказалась и встреча с Давидом Давидовичем Бурлюком. Буквально через несколько дней после приезда, совершенно неожиданно Фешины встретились с Давидом Бурлюком в метро. Давид Давидович обратил внимание на маленькую девочку, говорившую по-русски, и узнал в ее отце старого знакомого с берегов Волги. Бурлюк и Фешин были знакомы со времен учебы обоих

¹ Fechin (1950-c: 27–28).

² Burluk (1958: 6).

Илл. 1. Портрет художника Давида Давидовича Бурлюка (Д. Д. Бурлюк читает лекцию), 1923, холст, масло, 123,1 x 83,4 см, Музей изобразительных искусств Нью-Мексико, Санта Фе, штат Нью-Мексико, США (New Mexico Museum of Fine Arts, Santa Fe, NM, USA)

в Казанской художественной школе, Бурлюк поступил в нее в 1898 году, тремя годами позднее Фешина.

Фешины первоначально обосновались недалеко от дома, где жила семья Бурлюка, их дети какое-то время ходили в одну школу. В октябре 1923 г. Фешин попросил Бурлюка позировать ему для портрета. Портрет, получивший название *Д. Д. Бурлюк, выступающий с лекцией* (1923, The New Mexico Museum of Art, Santa Fe, NM, USA, илл. 1), вышел блестящим. Это была первая работа в Америке, которая принесла Фешину удовлетворение и успех. В портрете Давида Бурлюка акцентирован характер человека, в котором важность и значительность «мэтра» авангарда соединялась с игрой и эпатажем. Ирония и серьезность, значительность и лукавство, нестандартность самой модели обыгрываются в классической форме репрезентативного портрета. Интересна структура полотна. Еще немного и изображение превратится в кубистическую конструкцию цветных пятен и форм.

В благодарность за труд модели, Фешин написал небольшой этюд Давида Давидовича ему в подарок (*Д. Д. Бурлюк*, этюд, 1923, Государственный Русский музей, Санкт-Петербург). Жена Бурлюка, Маруся писала об этом этюде, что «(...) по энергии и свежести живописи его можно сравнить с Веласкесом».³ В Государственном музее В. Маяковского находится фотография 1924 года, где повторена композиция фешинского портрета. Бурлюк снялся в том же костюме (только серьга другая), фоном также служат живописные полотна, где хорошо виден и подаренный Фешинным этюд Бурлюка.

Очень вероятно, что участие 18 работ Фешина в зимней выставке современного русского искусства в Бруклинском музее состоялось благодаря Бурлюку. Экспонентами выставки были такие выдающиеся русские мастера, как Б. Анисфельд, В. Чернов, А. Яковлев, А. Архипенко, Д. Бурлюк, Б. Григорьев, С. Судейкин, С. Сорин, Л. Бакст, В. Кандинский.

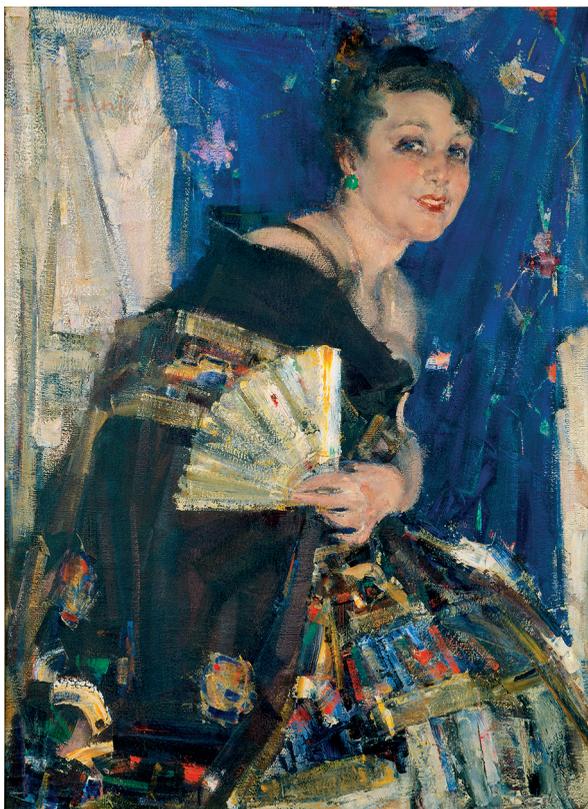
Николай Иванович оказался очень востребованным и имел возможность иногда помогать материально «отцу русского футуризма», поскольку тот был занят издательской деятельностью, что чаще приносило больше расходов, чем доходов.

Благодаря широким связям и знакомствам Бурлюка Фешин попал в эпицентр эмигрантской артистической жизни. И это было исключительно важно для застенчивого, замкнутого художника, контакты которого в России в основном ограничивались кругом Казанской художественной школы. И здесь, в Нью-Йорке, в новом, живущем по другим законам, мире, возможность общения с близкими по духу людьми была не менее ценна, чем коммерческий успех. В этом общении была возможность говорить на одном языке, хотя бы на время возникала иллюзия привычной, утраченной жизни. Среди них Фешин выбирал и своих моделей, стараясь сохранить сложившуюся схему творчества, когда он писал интересных ему персонажей и выставлял портреты на выставки. В Нью-Йорке Фешин напишет портреты театрального русско-французского режиссера Николая Евреина, украинской певицы Евфалии Хатаевой, внучки известного скульптора композитора Ариадны Микшиной (илл. 2), блестящей бале-

³ Burluk (1958: 5).

Илл. 2. *Мадам Микешина (Ариадна?)*, ок. 1925–1926, холст, масло, 101,6 x 81,3 см, частная коллекция, США

Илл. 3. *Русская певица (Портрет Евфалии Ивановной Хатаевой)*, 1924, холст, масло, 118,4 x 83,1 см, частная коллекция, Таос, США

рины и жены известного балетмейстера Михаила Фокина, Веры Фокиной. Все они были давние знакомые Давида Бурлюка, благодаря которому они и стали моделями Николая Фешина.

История создания некоторых портретов оказалась зафиксированной в статье Марии Никифоровны Бурлюк «Николай Фешин – великий живописец».⁴

В апреле 1924 года Фешин работал над портретом украинской оперной примы, меццо-сопрано Евфалии Ивановны Хатаевой (илл. 3), жены русского писателя С. И. Гусева-Оренбургского. Хатаева с мужем приехали в США из Китая в конце 1922, а в 1928 окончательно переехали во Францию. В воспоминаниях Маруси Бурлюк есть любопытные заметки о работе над портретом. Хатаеву не предупредили, что у Фешина есть некоторые правила. Во время сеанса позирования нельзя говорить, нельзя смотреть незаконченную работу, делать замечания и высказывать свои оценки. Чувственная, эмоциональная и непосредственная певица нарушала все правила. Два сеанса хватило, чтобы художник потерял интерес к работе, оставив незаконченным большое полотно. Мария Никифоровна Бурлюк записала впечатления, которыми делилась певица после позирования: «Фешин работал широкой кистью, очень быстро, великолепно схватывал самое основное, все на холсте было так красиво, замечательно: цвет старинного платья, жемчуг, но вдруг, через полчаса, он начинал переписывать, менять колорит, и вся свежесть, спонтанность первого экспрессивного варианта смазывалась, исчезала. Он написал вместо моих глаз две голубые пуговицы».⁵ Правда, Маруся тут же отметила, что глаза у Хатаевой действительно были большие, круглые и голубые. Со слов Маруси Бурлюк, в 1925 году портрет был взят Гусевым-Оренбургским и Евфалией Хатаевой в Париж. В настоящее время в семье художника находится большеформатный портрет Хатаевой. Было ли два варианта портрета или сведения Маруси Бурлюк неточны, пока не установлено. В семейном архиве хранится фотография 1924 года, где Фешин с женой и дочерью позируют на фоне неоконченного портрета (илл. 4).

⁴ Burljuk (1958: 1–11).

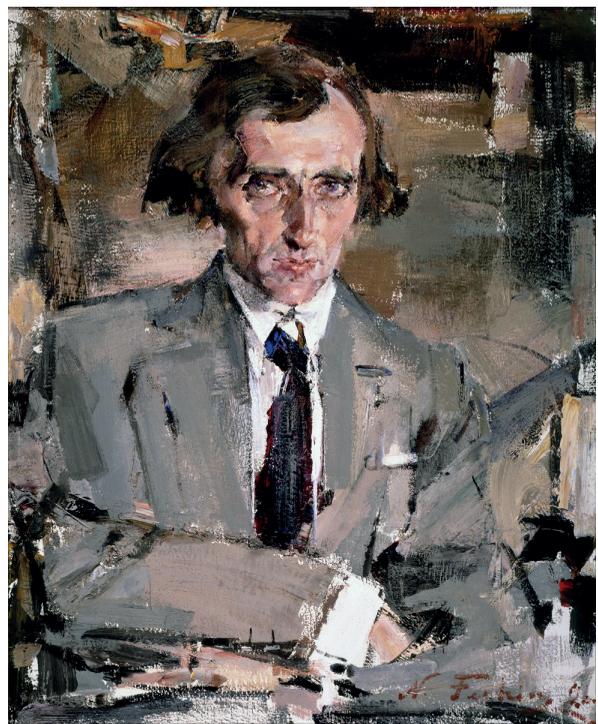
⁵ Burljuk (1958: 4).

Илл. 4.
Николай Иванович Фешин
с женой Александрой
Николаевной и дочерью
Ией в своей мастерской
перед начатым портретом
Е. И. Хатаевой, Нью-Йорк,
1924

Одной из любимых моделей Фешина в Нью-Йорке стала Вера Фокина. Известная русская балерина, звезда Мариинского театра, участница труппы Дягилева. В США Вера с мужем Михаилом Фокиным поселились в 1919 году, в 1921 году осели в Нью-Йорке, открыв там балетную школу, назвав ее студией Фокиных. В разное время портреты Фокиной создавали Коровин, Серебрякова, Бобышев, Кинни, Линк. Фешин написал не менее трех живописных портретов Веры Фокиной (*Этюд*, 1926 [?], частная коллекция, США; *Портрет Веры Фокиной [перед зеркалом]*, 1926 [?], частная коллекция, США; *Принцесса*, 1927, Baylor University, Waco, TX, USA).

Еще одна знаменитость – Николай Евреинов, драматург, режиссер, теоретик и историк театра. Его портреты в разных техниках создавали многие выдающиеся русские художники, начиная с Ильи Репина, о чем им была написана книга *Оригинал о портретистах*, 1922.⁶ В Нью-Йорк Евреинов приехал в 1926 г. в Институт оперного искусства для консультаций постановок своих пьес *Самое главное* и *Корабль праведных*, а также с лекциями о театре. Беглый, очень свободный портрет-этюд (*Н. Н. Евреинов*, 1926, Frye Art Museum, Seattle, WA, USA) блестяще передает темперамент реформатора театра (илл. 5).

Илл. 5. *Портрет писателя (Николай Николаевич Евреинов)*, 1926, холст, масло, 75 x 61,3 см, Художественный музей Фрай, Сиэтл, штат Вашингтон, США (Frye Art Museum, Seattle, WA, USA)

В Нью-Йорке Фешин прожил очень недолго, всего четыре года. Из-за открывшегося туберкулеза было необходимо сменить климат. Но в американской жизни Фешина эти годы оказались исключительно плодотворными. С одной стороны, на контрасте с депрессией и безнадеж-

⁶ Евреинов (1922).

ностью жизни в послереволюционной России, свобода, благополучие и открывшиеся возможности чрезвычайно стимулировали творчество. С другой стороны, американские стандарты, весьма отличные от устоев русского образа жизни, еще не влияли на художника. Именно поэтому в Нью-Йорке было создано немало безусловных шедевров, таких как *Ия с дыней* (1923), *Ню* (1923), *Лето* (1924), *Портрет гравера* (1924), *Миссис Фешина с дочерью* (1925), серия калифорнийских пейзажей 1925 года. Особое место занимают в нью-йоркский период творчества Фешина портреты русских эмигрантов – художников, артистов, музыкантов. Виртуозные технически, они не менее важны как свидетельство

времени, сохранившие образы людей, которые «(...) унесли с собой Россию».

Библиография

Евреинов 1922 = Евреинов, Н[иколай] Н.: *Оригинал о портретистах: (К проблеме субъективизма в искусстве)*, Государственное издательство, Москва 1922.

Burliuk 1958 = Burliuk, Maria: «N. I. Fechin – great painter (his life and works in USA, 1923–1956)», *Color and Rhyme*, 35 (1958): 1–11.

Fechin 1950-e = Fechin, Nicolai: «Autobiography», [рукопись, 1950-е, частный архив, США].

Galina P. Tuluzakova

Nicolai Fechin and Russian emigrants in New York

Nicolai Fechin is one of the outstanding Russian artists of the beginning of the 20th century, whose creativity was based on the traditions of Russian academic and realistic school. For him nature (in the broad sense) was an inexhaustible subject of cognition, human values would have a priori importance, interest and sympathy for the life of the common man persisted throughout the artistic career. At the same time, he was one of the most brilliant masters of the Art Nouveau style. The dualism of the real and the conventional, special attention to the aesthetics of form, the worship of beauty, the understanding of which is extremely complicated, incredible technical maestro, artistic universalism, as he worked as a painter, draftsman, sculptor, wood carver, architect – all signs and features of Art Nouveau style we can find in Fechin's work. Emigration of the artist in the United States in 1923 was an escape from the horror and chaos of post-revolutionary years, but the deeply rooted connection with the homeland remained until his death. In the early years of emigration, particularly important to him was the communication with the Russian Diaspora in New York City, especially with creative people. His Russian friends became models of his portraits – artist David Burliuk, opera singer Evfaliya Khatayev, Russian-French theater director Nicholas Evreinov, ballerina Vera Fokin, the wife of the outstanding choreographer Michel Fokin, composer Ariadna Mikeshina. These relationships – part of the picture of life of the Russian artistic emigration, the restoration of history is so important for us today.